

УДК 784.1
ББК 72.3

Е. Г. БОРОНИНА
(МОСКВА)

ПЕВЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ВОСТОЧНОГО ПОДМОСКОВЬЯ В ТВОРЧЕСТВЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОРА П. Г. ЯРКОВА

Хор Яркова звучит настоящим народным пением. Это всячески следовало бы поддержать, потому что сейчас большая тяга к подлинной русской песне, а у нас она вымирает. Они поют песни так, как поют их в народе.

А. Б. Гольденвейзер

Подмосковье с этнографической точки зрения неоднородно. Отдельные его территории тяготеют к традициям, сложившимся на смоленских, рязанских, калужских, тульских или тверских землях. Близость столицы — крупнейшего мегаполиса, распространявшего свое влияние во всех областях жизни местного населения на многие километры; интенсивные миграционные процессы в регионе, связанные со строительством промышленных объектов (фабрик, заводов, электростанций и др.), а еще раньше с отходничеством — все это, казалось бы, исключает возможность формирования этнокультурных традиций с яркой локальной спецификой. Однако и в Подмосковье есть территории, на которых в силу разных исторических обстоятельств сложилась ситуация, благоприятная для традиционной народной культуры. Такие места отличаются стабильностью состава населения, традиционным крестьянским укладом жизни, отсутствием крупных промышленных предприятий поблизости.

Одна из таких субрегиональных традиций, сохранившая свои устойчивые черты вплоть до рубежа XX–XXI столетий, локализована в восточном Подмосковье — Раменском, Орехово-Зуевском, Егорьевском районах Московской области.

Смеем утверждать, что музыкально-фольклорный исполнительский стиль, принимаемый за эталон подмосковной певческой традиции, — это один из локальных стилей, бытовавших на востоке Подмосковья в деревнях междуречья бассейна рек Москвы и Оки, сложившийся вокруг Бронниц. Безусловна его мелодическая выразительность, отмеченность самобытным и характерными чертами. Характеризуется он высокой певческой тесситурой, широким гибким голосоведением, развитой импровизационностью, устойчивым песенным репертуаром.

Доминантными для данного певческого стиля являются следующие черты:

1) высокое головное женское пение, которое достаточно широко распространено в этих местах; так поются обрядовые весенние заклички и лирические песни, приуроченные к весенне-летнему периоду (например, троицкие «Уж ты кумушка», «Ты, рябинушка»). В корпусе наших экспедиционных записей встречаются страдания, исполняемые в высоком головном регистре на Семик-Троицу;

2) верхняя терцовая втора в достаточно плотной многоголосной фактуре, которая в деревнях бронницкого «куста» исполняется несколько «снятым» звуком, в клиросной манере¹. Такой стиль пения, близкий к церковному, может объясняться обилием на этой территории православных храмов, многие из которых не закрывались в советский период (лучшие деревенские певцы всегда лидировали и на клиросе), а также соседством с Гуслицей — подмосковным старообрядческим центром, где культура церковного пения культивировалась и оттачивалась в течение долгого времени²;

3) ведущее положение во многих, особенно лирических, песнях певцов-мужчин. Не раз во время экспедиций в села восточного Подмосковья приходилось слышать: «Как отец с братьями пели! Мы-то с сестрами/матерью за ними шли...» при пении смешанных ансамблей, когда тесситура мужской группы является доминирующей, партии женских голосов вынуждены приспосабливаться и, как в данном случае, располагаться существенно выше примарной зоны. Таким образом могли утвердиться уже существовавшие предпосылки к высокому головному женскому пению.

Осуществляя комплексное исследование традиционной музыкальной культуры этих мест и всего подмосковного региона в целом с 1994 года, автору не раз приходилось сталкиваться с мнением авторитетных специалистов [Гиппиус 1951, 7; Руднева 1964, 4] о том, что характерным для Подмосковья является высокое подвижное головное пение, а коллектив, наиболее качественно воплотивший этот своеобразный эталон, — крестьянский хор п/р П. Г. Яркова. С точкой зрения ведущих ученых трудно не считаться, и все же встает вопрос о том, по какой причине именно певческую традицию восточного Подмосковья следует считать своеобразным эталоном фольклорного исполнительства московского региона, и почему хору, руководимому Ярковым, удалось в наибольшей степени передать особенности этой певческой культуры.

Одним из «белых пятен» российского этномузыказнания, до сих пор практически неисследованным, является история народно-певческих коллективов — народных хоров, складывавшихся в первой половине XX столетия. Особенный интерес представляют хоры, участниками которых были крестьянские певцы, знатоки и хранители народной музыкальной культуры.

Все характеристики подмосковной певческой традиции, отмечавшиеся специалистами, в полной мере были свойственны исполнительскому искусству хора, созданного П. Г. Ярковым в 1919 году в Бронницах — подмосковном уездном центре. Первоначально коллектив назывался самодеятельным крестьянским хором Бронницкого уезда. Крестьянин-самоучка, певец, знаток местного фольклора и яркий лидер, Петр Глебович Ярков (1875–1945) смог собрать вокруг себя лучших песяльников из деревень, близлежащих к Сельцу (месту его рождения), а также из соседних сел и деревень: Хлынова, Малышева, Кочиной Горы, Нестерова, Денежникова Салтыковской волости Бронницкого уезда Московской губернии. Деревни составляли яркий певческий «куст», в котором концентрировалось и культивировалось искусство народного пения, обладающего яркими специфическими чертами и которое, с течением времени, стало восприниматься как типично московское.

Первым учителем Петра Яркова была его мать Пелагея Федоровна. Родом она была «из певческого села Денежниково, славящегося с XVIII века хороводами,

¹ На этот факт в личных беседах часто указывали Е. В. Гиппиус и С. И. Пушкина.

² Гуслица — исторический регион, центр старообрядчества белокриницкого (поповского) толка, сложился во второй половине XVIII столетия. Гуслицкие старообрядцы (*гусляки*) были тесно связаны с городом и по духовной линии (через Рогожскую слободу), и по торгово-промышленной деятельности. Поэтому они явились своеобразными проводниками городской культуры в фольклорных традициях восточного Подмосковья, включая песенный репертуар и стиль пения.

играми и плясками, куда съезжались крестьяне окрестных сел и деревень. Другим учителем Яркова был прославленный подмосковный певец, балагур, затейник и плясун, его односельчанин П. Я. Порошин» [Гиппиус 1951, 6].

В середине 1890-х годов П. Г. Ярков переезжает в Москву для обучения столярному делу, продолжая собирать и разучивать народные песни на слух, а с 1902 года возвращается под Бронницы. Здесь он накапливает наблюдения за тем, как исполняется песня, как нужно ее искусно отыграть, как сливаются голоса исполнителей с солирующим рожком, подмечаются детали: «раскачивание» голоса в хороводах и плясках, умение вести песню, придавая ей плавность или подвижную моторность. Так Петр Ярков становится искусственным умельцем-песельником с огромным практическим опытом и непоколебимым убеждением в непреходящей ценности народной песни.

Творческая индивидуальность П. Г. Яркова определила своеобразие созданного им крестьянского хора. В основе репертуара хора традиционные песни Бронницкого уезда. Исполнительский стиль и певческие приемы, специфическая тембральная окраска голосов как участников хора, так и самого Яркова прочно укоренены в локальном традиционном крестьянском пении сел и деревень, расположенных вокруг его родного подмосковного Сельца.

Постепенно хор получает признание, в 1921 году выступает в столице на собрании этнографической секции Государственного института музыкальной науки, с 1925 года начинает активно концертировать в Москве, а затем и звучать на радио. Коллектив становится популярным, записывает около 40 пластинок, содержащих образцы традиционной народной подмосковной музыки, а также песни на тексты П. Г. Яркова.

Многие из этих пластинок хранятся в Российском государственном архиве фонодокументов. Кроме того, архивы РГАФД содержат немало записей крестьянского хора П. Г. Яркова, выполненных на фоноваликах. К сожалению, не все эти записи можно услышать. Некоторые песни существуют только в записи на грамморигиналы — металлические матрицы для изготовления тиража пластинок, аппаратура же для их прослушивания утрачена. И диски, а их немало в архиве, к огромному сожалению, молчат.

В РГАФД хранятся следующие записи крестьянского хора под управлением П. Г. Яркова (список постепенно пополняется):

№	Название песни ³	Название хора	Год выпуска
1	Что за тем за лесочком. Русская народная песня	Хор п/у П. Г. Яркова	1938
2	Велик туман при долине. Русская народная песня	Хор п/у П. Г. Яркова	1938
3	Лен. Московская плясовая	Хор п/у П. Г. Яркова	1936
4	Селезень мой	Хор п/у П. Г. Яркова	1936
5	Авиачастушки. Текст П. Г. Яркова	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	Предположительно 1941–1943
6	От старого к новому. Колхозные частушки. Текст П. Г. Яркова	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1934
7	Земляниченька. Русская народная песня.	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1938
8	Не в трубушку трубить. Свадебная песня с причитанием невесты. Плач ведет Н. Маркелова	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1910–1945
9	Посею лебеду на берегу	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1934

³ Названия приводятся в том виде, в котором они существуют в описаниях РГАФД.

10	Стелется, вьется. Русская народная песня	Хор п/у П. Г. Яркова	1930
11	Ты, рябинушка	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1934
12	Колхозная песня	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1930
13	Едет по полю машина	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1934–1935
14	Проводы красноармейца	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1934–1935
15	Сизенький голубчик	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1934–1935
16	Песня старой батрачки	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1934–1935
17	Виноград, свадебная, застольная	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1920–е
18	Черемушка	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	Предположительно 1934

Охарактеризуем некоторые из этих произведений.

«Что за тем за лесочком» — классический пример песенной лирики восточного Подмосковья. Запись на грампластинку выполнена в 1938 году. Песня исполняется полным смешанным хором. Развитое многоголосие звучит легко. Тонкие женские голоса верхних партий полетные, приподнятые, переплетающиеся между собой, придают песне специфически подмосковный колорит.

На обратной стороне той же пластинки записана круговая медленная песня «Велик туман при долине». Звучит она удивительно свежо, широко. В материалах наших экспедиций указывается, что песня была приурочена к Масленице. По комментариям местных жителей, якобы в конце февраля нередко бывают туманы. Подобные песни-хороводы были весьма популярны в Подмосковье.

За два года до этого в 1936 году вышла пластинка, на которой были представлены круговые быстрые песни «Селезень мой» и «Лен» («Ой, я сеяла, сеяла ленок»). Вторая запись была определена как «Московская плясовая». По сути же это игровые хороводы. Именно игровые и плясовые песни были наиболее любимы в хоре П. Г. Яркова. Исполнялись они с большим мастерством и воодушевлением, сопровождались движениями рук, головы, корпуса, приплясыванием. «Игра» была не только видима, но и слышима.

Е. В. Гиппиус [Гиппиус 1951, 9] отмечает, что хор П. Г. Яркова обязательно разыгрывал песни даже в радиостудии перед микрофоном. Моторность звучания исчезала тотчас же, как только участникам хора предъявлялось требование петь неподвижно; наоборот, когда хор разыгрывал песню, в звучании передавались самые разные оттенки движений. В медленных круговых песнях слышалась степенная поступь, в быстрых круговых на первый план выступал ритм притопываний.

Еще одна запись — лирическая песня «Черемушка» с высоким мужским запевом, мастерски выполненным. Можно предположить, что запевает руководитель хора П. Г. Ярков (в одной из сохранившихся программ концерта хора именно Ярков назван запевалой).

В раскрытии характера этой песни особую роль играла мужская группа хора с ведущим тембром теноров, женские голоса лишь подкрепляли ее. А. В. Руднева, руководитель хора Яркова в 1945–1949 годах, отмечала один из специфических исполнительских приемов хора, который ярко представлен в песне. Это особая форма подголоска, когда сплетение верхнего и нижнего голосов позволяет «раскачивать» мелодические линии, свободно «гуляя» по всему звуковому объему [Руднева 1964, 5]. Подобная широта и выразительность голосового рисунка — характерные свойства подмосковной певческой традиции.

«Виноград» — свадебная величальная песня, в которой ярко ощущается подмосковный колорит, выраженный в типичном для данной локальной традиции мелодическом и многоголосном песенном стиле. Песня исполняется женским составом хора в высокой tessitura, благодаря чему звучит светло, легко. Запевает ее умелая песельница, постоянно варьируя запев. Величальные песни всегда исполнялись хором Яркова с большим подъемом. Как отмечали исследователи творчества П. Г. Яркова, именно они составляют основу репертуара хора, более всего определяя его художественное своеобразие.

Глубокое знание П. Г. Ярковым подмосковных песенных традиций уже в 1920-е годы высоко оценили ученые. Его неоднократно приглашали на заседания Московского лингвистического кружка, на одном из которых, состоявшемся 20 марта 1921 года, певец рассказывал о «круговых» песнях и частушках⁴, о влиянии близкого соседства с крупным городом и многочисленных песенников конца XIX века на формирование местного песенного репертуара, «о том, кем и как исполнялись те или иные песни, <...> о том, какие изменения вносились в них» [Баранкова 2001, 73].

П. Г. Ярков был не только талантливым музыкантом-самородком; такие черты его личности, как неравнодушие, твердая общественная позиция во всем, касающемся отечественной культуры, не только определили его широкую известность в литературно-художественных и научных кругах Москвы 1920-х-1930-х годов, но и сыграли в итоге трагическую роль и в личной биографии Яркова, и в судьбе руководимого им хора.

В начале 1920-х годов он встречался с Альбертом Рис Вильямсом — американским публицистом и журналистом, который с большим сочувствием и энтузиазмом относился к общественно-политическим переменам в жизни России, был свидетелем революционных событий, встречался с видными деятелями партии большевиков и много путешествовал по России в первые годы нового строя. Во время своей второй поездки в Россию (1922–1928) Рис Вильямс оказался в х. Дор Бронницкого уезда Московской губернии, где в то время проживал П. Г. Ярков. Впоследствии журналист вспоминал: «Подмосковный крестьянин товарищ Ярков <...> — интереснейший человек! Он с гордостью рассказывал нам о книгах, о школе, о новых праздниках, принесенных в деревню советской властью. У Яркова был чудесный слух и великолепный голос. Мы с Люситой (Люсита Сквайр — жена А. Рис Вильямса. — Е. Б.) не раз слушали его пение. В своей деревне он создал крестьянский хор. Ярков часто гостил у нас, такой веселый, широкий, чистый...»⁵ впоследствии впечатления от этой поездки вошли в одну из книг Рис Вильямса⁶. Это знакомство послужило одним из доказательств обвинения П. Г. Яркова в шпионаже и дружбе с иностранцем, в результате которого музыкант в 1927 году был арестован и провел в тюрьме пять месяцев.

К этому времени руководимый им хор уже получил статус профессионального коллектива⁷, регулярно выступал по радио. Однако П. Г. Ярков, по-видимому, ощущал сгущающиеся над ним тучи и искал поддержки у видных деятелей советской культуры.

В мае 1931 года М. Горький вернулся в Москву после долгого пребывания в Италии. Писатель был уже очень болен, а кроме того, находился под постоянным наблюдением ОГПУ при Совете народных комиссаров СССР. Однако он продолжал

⁴ Интересно, что по отношению к частушкам П. Г. Ярков употреблял их народное наименование — *прибаутки*.

⁵ См.: Огонек. 1959. № 29. С. 27–28.

⁶ Скорее всего, это было второе издание книги «Сквозь русскую революцию» (Through the Russian Revolution, 1927), в написании предисловия для которого принимал участие П. Г. Ярков. Книга вышла на английском языке и не была переведена на русский язык.

⁷ Это произошло в 1925 году после выступления хора в московском Доме крестьянина, при котором стала проходить работа коллектива.

Крестьянский хор под руководством П. Г. Яркова. Середина 1930-х годов.

принимать посетителей, среди которых оказался и П. Г. Ярков. Илья Самсонович Шкапа, прозаик, с 1928 года работавший в редакции созданного М. Горьким журнала «Наши достижения», включил воспоминания об их встречах в свои мемуары. Во время долгого разговора собеседники вспоминали, как встречались у Льва Толстого еще четверть века назад; Горький спрашивал у Яркова, как в деревне восприняли коллективизацию; высоко оценивал искусство бронницкого хора и приглашал музыканта приехать к нему еще раз вместе со своими певцами. Ярков «пообещал приехать с хором и просил помочь, ибо псевдонародные профессионалы и их пособники закрывали его хору доступ к публике, не давали помещения, эстрады» [Шкапа 1964, 143]. Отмечая, что Горький помог хору, который стал чаще звучать по радио, В. С. Шкапа так завершил этот раздел своих воспоминаний: «И надо сказать правду — под управлением колхозника Яркова пели подлинные крестьяне, и пели так, как поет народ» [Там же].

В течение нескольких лет, казалось бы, творческий путь коллектива был безоблачным: хор завоевал первое место на Всесоюзной олимпиаде искусств в 1930 году, а в 1936 участвовал во Всероссийской хоровой олимпиаде. Однако после смерти М. Горького внимание к нему стало еще более пристальным и откровенно недоброжелательным. Состоялось несколько комиссий, на которых обсуждалась деятельность хора и его репертуар. В одном из таких заседаний 31 мая 1936 года приняли участие певица, музыкальный деятель, доцент Московской консерватории Н. Г. Александрова, видный советский пианист, композитор и музыкальный критик А. Б. Гольденвейзер, фольклорист и этнограф Ю. М. Соколов, дирижер В. В. Небольсин. Строгая комиссия выслушала несколько песен в исполнении хора: «Звонили звоны в Новгороде», «Стелется и вьется» и др. Отзывы членов комиссии были восторженными. Так, Ю. М. Соколов отмечал, что коллектив «является огромным хранителем старой художественной культуры» [Протокол 1936], и особенно высоко оценивал то, что хор бронницких крестьян, в отличие от хора Пятницкого, углубленно представляет одну песенную традицию.

Это качество, заслуживающее высшей похвалы профессиональных учених, в глазах чиновников являлось огромным недостатком, признаком «узкого

местничества» и «художественной отсталости». Не спасло коллектив и то, что его участники сложили несколько патриотических текстов и распели их на мелодии известных народных песен⁸. В 1938 году П. Г. Ярков был вновь арестован и на этот раз почти два года провел в тюрьме, где окончательно подорвал свое здоровье. Так и не сумев полностью восстановиться после этого, выдающийся народный музыкант скончался в декабре 1945 года⁹. Вскоре после его смерти хор распался, несмотря на усилия фольклористов. И сейчас только сборники народных песен [Гиппиус 1951; Руднева 1964], небольшое количество сохранившихся звукозаписей, фотографий и воспоминания участников составляют наследие этого выдающегося коллектива, на долгие годы опередившего свое время.

Литература

- Баранкова 2001 — *Баранкова Г. С. Проблемы фольклористики в трудах членов Московского лингвистического кружка // Русская речь. 2001. № 4. С. 71–78.*
- Гиппиус 1951 — *Гиппиус Е. В. Русские народные песни Подмосковья, собранные П. Г. Ярковым // Русские народные песни Подмосковья, собранные народным певцом-умельцем П. Г. Ярковым с 1890 по 1930 г. / Под ред. Е. В. Гиппиуса. М.; Л., 1951. С. 3–12.*
- Руднева 1964 — *Руднева А. В. Предисловие // Народные песни Московской области / Зап., сост., предисл., прим. А. Рудневой. М., 1964. С. 3–7.*
- Протокол 1936 — *Протокол комиссии по прослушиванию хора Яркова П. Г. от 31 мая 1936 года // Документы о хоре крестьян Бронницкого уезда п/у Яркова П. Г. РГАЛИ Ф. 483. Оп. 1. Ед. хр. 263.*
- Шкапа 1964 — *Шкапа И. С. Семь лет с Горьким: Воспоминания. М., 1964.*

⁸ «Ты живи, Россия, здравствуй» на один из напевов, опубликованных Н. Е. Пальчиковым в сборнике «Крестьянские песни, записанные в селе Николаевке Мензелинского уезда Уфимской губернии» (М., 1888).

⁹ П. Г. Ярков похоронен в Москве на Даниловском кладбище.